

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ В НОВЕЙШИХ ЛАТЫШСКИХ ПЕРЕВОДАХ: К ВОПРОСУ О НЕПЕРЕВОДИМОСТИ

Osip Mandelstam in the Recent Latvian Translations:
the Untranslatable

Ивета Народовска

inaro@lu.lv

Латвийский Университет (Рига, Латвия)

Iveta Narodovska

inaro@lu.lv

University of Latvia (Riga, Latvia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 09.02.2021

Fecha de evaluación: 15.10.2021

Cuadernos de Rusística Española n° 17 (2021), 295 - 308

РЕЗЮМЕ

Автор статьи рассматривает новейшие латышские переводы Осипа Мандельштама, обращаясь к проблеме непереводимости. Представление о непереводимости русского поэта-модерниста, сформировавшееся в латвийском культурном пространстве в начале XX века, актуально и по сей день. В статье представлена краткая история немногочисленных переводов Мандельштама, дан обзор фактов современной рецепции его творчества: музыкальные сочинения Паулса Дамбиса, выход двуязычного сборника «Осип Мандельштам. Стихи» (2019). Автор статьи дает краткое описание биографии переводчика – Эйнара Пелшса, комментирует предисловие к билингвальному сборнику (автор вступительного слова – Александр Заполь), а также проводит анализ отдельных переводов стихотворений Мандельштама. В центре внимания следующие аспекты художественного перевода: проблема передачи повторов – звуковых, лексических и других; перевод «двойчаток»; передача «инфинитивного письма», рифмы и других формальных и содержательных признаков. На основе анализа переводов автор статьи делает вывод, что по характеру передачи поэтических смыслов чужого языка переводчик стремится к переводу-интерпретации, стараясь передать стилевые особенности Мандельштама, а также элементы речевого смыслообразования ушедшей эпохи.

Ключевые слова: Осип Мандельштам, непереводимость, поэтический перевод, переложение, русско-латышские литературные связи, Эйнар Пелшс.

ABSTRACT

The article is devised for the discussion of the most recent Latvian translations of Osip Mandelstam while focusing on the untranslatable. The perception of the writings of the Russian poet-modernist as untranslatable, as embraced by the Latvian cultural space at the beginning of the 20th century, is still relevant today. The article offers reflections on the few translations of Mandelstam and provides a comprehensive overview of modern reception of his writings: musical compositions of Pauls Dambis, publishing of the bilingual edition “Osip Mandelstam. Poems” (2019). The article briefly introduces the biography of the translator Einārs Pelšs, as well as critically reviews the preface to the bilingual edition written by Alexander Zapol and analyses individual translations of Mandelstam’s poems. The discussion primarily focuses on such aspects of literary translation as

the transfer of repetitions - phonetic, lexical and others, translation of couplings, infinitive structures, rhyme and other formal and semantic elements. The findings allow to conclude that while transferring the poetic meanings encoded in a foreign language, the translator strives for translation-interpretation, trying to convey Mandelstam's style, as well as the elements of verbal meaning-making of a bygone era.

Keywords: Osip Mandelstam, untranslatability, poetry translation, Russian and Latvian literary interactions, Einārs Pelšs.

Поэзия Осипа Мандельштама на латышский язык переводится крайне редко, несмотря на то, что имя русского поэта в Латвии известно уже с начала XX века. Первое упоминание Мандельштама в латышской периодике мы встречаем в 1912 — 1914 гг. в статьях, посвященных русскому акмеизму. Имя русского поэта можно обнаружить и в латышской периодике 1930-х годов. Статьи о биографии и творчестве русского поэта регулярно стали публиковаться в латышских периодических изданиях с начала 70-х гг. В это же время появляется и несколько переводов. В 1976 — 1978-х гг. в двухтомной антологии «Русская советская поэзия» (*Krievu padomju dzeja: antoloģija 2 sējums*) наряду с русскими модернистами и авангардистами (Александр Блок, Валерий Брюсов, Владимир Маяковский, Андрей Белый, Велимир Хлебников, Анна Ахматова) были опубликованы и отдельные стихотворения Мандельштама в переводах Иманта Аузиньша и Яниса Симбардиса. Всего было опубликовано 11 текстов Мандельштама. Среди них переводы стихотворений «Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», «Умывался ночью на дворе...», «Орущих камней государство...» из цикла «Армения», «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...», «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», «Еще далеко мне до патриарха...», «Когда, уничтожив набросок...» из «Восьмистишия», «За гремучую доблесть грядущих веков...», «Заблудился я в небе – что делать...» (*Krievu padomju dzeja* 1976: 102-108). Характерно, что ряд этих стихотворений стали «бардовскими» песнями, т. е. были у всех на слуху.

Мандельштам переводился редко не только по причине цензуры, существовавшей в Латвии советского периода. Дело в том, что в латвийском культурном пространстве укоренилось мнение о том, что Мандельштам не переводим. Латышская поэзия формируется на основе немецкого романтизма, и ей чужда традиция, свойственная творчеству Мандельштама. Поэтому безуспешно закончились призывы латышских модернистов начала XX века — Виктора Эглитиса, Эдварта Вирзы и Валдемара Дамберга, посмотреть на творчество русских модернистов «по-иному».

Михаил Леонович Гаспаров пишет: «Одни культуры исторически ближе друг другу, и переводчику легче найти в себе и в читателе способность, чувствуя родственное, понять и чужое» (Гаспаров 1995: 204). Переводы с русского на латышский язык имеют свою двухсотлетнюю историю, поэтому переводы последних десятилетий уже опираются на эту традицию «близости» и узнаваемости культур, но трудности работы переводчиков с текстами Мандельштама объясняются установкой поэта на мировую культуру, обилием имплицитных цитат, выработкой особого мандельштамовского дискурса «мыслить опущенными звеньями». Эти специфические особенности иногда «ускользают» в процессе перевода, но осознаются поэтами, дающим латышскую версию. Именно от чувства невосполнимости оригинального текста стихи Мандельштама, по версии переводчиков, считаются трудными. Сам

же Мандельштам не без иронии отразил бум вокруг переводов национальных поэтов в 1934 году так:

Татары, узбеки и ненцы,
И весь украинский народ,
И даже приволжские немцы
К себе переводчиков ждут.

И, может быть, в эту минуту
Меня на турецкий язык
Японец какой переводит
И прямо мне в душу проник. (Мандельштам 1990: 200)

Представление о непереводе Мандельштама не теряет своей актуальности и по отношению к новейшим латышским переводам русского поэта. В 2019 году в «Замшевой серии» (*Samta sērija*) рижского издательства «Непутнс» (*Neputns*) выходит билингвальный сборник стихов Осипа Мандельштама (1891–1938). Составитель и переводчик сборника — Эйнар Пелшс, редактор — Янис Элсбергс. Целью «Замшевой серии» является публикация поэтов мира в латышских переводах. Для достижения этой цели требуются высокопрофессиональные переводчики, к числу которых, по мнению редактора издания, можно отнести Пелшса — талантливого переводчика русской поэзии — как современной, так и поэзии Серебряного века.

Эйна́р Пелшс (1960) — латышский поэт и переводчик, учился в Даугавпилском педагогическом институте, потом изучал русский язык и литературу, а также бурятский язык в Бурятском педагогическом институте. Начал публиковаться в 80-х годах XX века, потом был перерыв в публикациях до 2009 года. В 2016 году вышел сборник стихов «Любимейший папа на свете» (*Mīļākais tētis pasaulē*), посвященный трагически погибшему сыну поэта — хоккеисту Кристиану Пелшу. В 1990 году в переводе Пелшса выходит билингвальный поэтический сборник Игоря Северянина «*Valširdīgā romance*. Искренний романс». Пелшс является основным переводчиком и русско-латышского сборника стихов Николая Гумилева, вышедшего в «Замшевой серии» издательства «Непутнс» в 2016 году. Пелшс также был основным переводчиком билингвального сборника Михаила Кузмина «Сети. *Tīkli*» (2019) той же серии издательства «Непутнс». Таким образом, вырисовываются переводческие пристрастия латышского поэта, среди поэтов Серебряного века Мандельштаму отводится знаковое место.

В двуязычном сборнике Мандельштама в хронологическом порядке представлены избранные произведения разных периодов творчества русского поэта, всего опубликовано 130 стихотворений. Как отмечает редактор издания Элсбергс, перевод поэзии Мандельштама является сложнейшей задачей, что определяется богатством языка, филигранностью формы и многослойностью содержания. Это почти «невозможная миссия» («*Samta sērijā*» *iznāk krievu dzejnieka Osipa Mandelštama dzejas izlase*: 2019), однако, по мнению редактора, Пелшс со своей задачей справился. Пелшс в своих интервью неоднократно подчеркивает, что Мандельштам чрезвычайно труден для перевода. Автор вступительной статьи сборника — латвийский русский поэт и переводчик Александр Заполь, также

указывает на сложность поэзии Манделъштама. Он приводит характеристики, данные поэту известными русскими литераторами и литературоведами: Анной Ахматовой, Сергеем Аверинцевым, Виктором Жирмунским, Владиславом Ходасевичем, Рюриком Ивневым, Николаем Гумилевым, Георгием Ивановым, Константином Мочульским, Сергеем Маковским, Ириной Одоевцевой, Виктором Шкловским и другими. Литературоведы рассматривают творчество Манделъштама как «тоску по мировой культуре» — так в тридцатые годы XX века Манделъштам называет акмеизм (Слово и судьба. Осип Манделъштам: 1991).

Помимо описания особенностей поэтики Манделъштама, в предисловии достаточно подробно говорится о биографии поэта, особо выделяется его связь с Европой, Латвией и Прибалтикой: указываются факты пребывания Манделъштама в Варшаве, где поэт родился, в Париже, Берлине, Италии и Швейцарии. Отмечается и его присутствие в западной столице России — Петербурге. Автор вводной статьи упоминает и восточно-южные пункты пребывания русского поэта: Москву, Воронеж, Крым, Коктебель, Харьков, Киев, Армению. В предисловии также обращается внимание на прибалтийское происхождение поэта: отец Манделъштама, ремесленник и купец из курляндских евреев, а его музыкально одаренная мать — из Вильно (Вильнюса). Манделъштам неоднократно бывал в Зегевольде (Сигулда), Риге и на Рижском взморье.

То, что переводить Манделъштама сложно и почти невозможно, отмечает и латышский композитор, профессор Паулс Дамбис (род. в 1936 г.). В 2006 году, в год своего семидесятилетия, он пишет небольшой цикл песен на слова русского поэта. Тексты цикла композитор на латышский язык переводит сам. По его словам, это вольный перевод. Композитор отмечает, что личность Осипа Манделъштама наполнена знаками эпохи и времени, в котором он жил. Его поэтический язык своеобразный, сильный и пронизывающий. В нем можно услышать множество музыкальных отражений: здесь присутствуют Бах и Бетховен, и даже тишина в поэзии Манделъштама часто музыкальна. Однако эта хрупкая музыкальная интимность сочетается с полностью автономными и духовно сильными текстами об эпохе (Pauls Dambis: 2016). Композитор ассоциативно сохраняет в памяти ранние характеристики современников Манделъштама о том, что тема зодчества в его ранних стихотворениях уподобляется «застывшей музыке» (Kantor-Kazovsky: 2001, 95-114). Это положение служит камертоном созданного им «манделъштамовского цикла». Дамбис говорит: «Личность Манделъштама меня привлекает и завораживает уже давно. Поэтому я начал думать о музыкальных композициях. Так возник первый вариант цикла, и я понял, что Манделъштама нельзя перевести. Его поэзия чувственна и экспрессивна, она сопряжена с русской традицией и перевести ее на другой язык невозможно» (Pauls Dambis: 2016). Показательно, что и свое восьмидесятилетие латышский композитор отмечает премьерой опуса, посвященного стихам Манделъштама. В декабре 2016 года в Риге состоялась премьера музыкального опуса «Песни Осипа Манделъштама» (*Osipa Mandelštama dziesmas*), над которым автор композиции работал десять лет. Текст в опусе звучит в оригинале, т. е. на русском языке. В силу разницы фонологических уровней в латышском и в русском языках «певучесть» (основной концепт Манделъштама («Отчего душа так певуча...» и др.)) трудна для передачи

на языке перевода, и слух композитора диктует ему музыкальное сопровождение текстов русского поэта на языке оригинала.

Проблема художественного перевода (или непереводаемости) поэзии Мандельштама, ввиду ее сложности как формальной, так и содержательной, может быть рассмотрена в следующих аспектах: проблема передачи повторов: звуковых, лексических и других; перевод так называемых «двойчаток» и «тройчаток» (стихотворения «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» и «Ласточка») — это могут быть два или три стихотворения, в которых часть текста совпадает, а часть отличается. Этот необычный прием закреплен тем, что стихотворения печатаются вместе, противоречия не сглаживаются, а демонстративно подчеркиваются. С точки зрения эквивалентности художественного перевода также могут быть рассмотрены следующие особенности раннего творчества поэта: фрагментарность, афористичность, апофатические конструкции и слова («Нет, не луна...», «Я не слышал рассказов Оссиана...»), ассоциативные сгущения, нарочито простые, часто глагольные, рифмы и приверженность ямбу.

Обратимся к некоторым аспектам перевода поэзии Осипа Мандельштама на конкретных примерах. Во-первых, к проблеме передачи звуковых повторов, столь важных для творчества поэта. Следует отметить, что Пеллшс в своих переводах стремится передать как содержательные, так и формальные элементы. Иногда получается сохранить те же звуковые повторы, что и в оригинале, например, в стихотворении «Мой тихий сон, мой сон ежеминутный...» Пеллшс сохраняет повторы шипящих согласных **ж, ш** — *š, ž, č*:

Мой тихий сон, мой сон ежеминутный — Невидимый, завороженный лес, Где носится какой-то шорох смутный, Как дивный шелест шелковых завес. (Mandelštams 2019: 44)	<i>Mansklusais sapnis, aizmiršanās mana — Kā nesarazdams, savaldzināts mežs, Kur neskaidra kaut kāda čabēšana — Šķiet, zīda aizkarus tur plēš.</i> (Mandelštams 2019:45)
--	---

При переводе стихотворения «На бледно-голубой эмали...» переводчику удается сохранить повтор сонорных звуков **л, м, р** — *m, l, r*; таким образом сохраняя необычную мелодичность оригинала:

На бледно-голубой эмали, Какая мыслима в апреле, Березы ветви поднимали И незаметно вечерели. (Mandelštams 2019: 52)	<i>Uz emaljēta zila stikla, Kāds aprīlī vien iedomājams, Bērzs lēni grima vakarmīglā Un debesīm ar zariem māja.</i> (Mandelštams 2019: 53)
--	---

Пеллшсу удается сохранить и передать не только повтор отдельных звуков, но и повтор звуковых сегментов. В переводе стихотворения «Сусальным золотом горят...» частично сохраняются повторы сегментов **гр, гл, лк** — *kr, gl, kl, rr*; а также шипящих **ш, ж** — *ž, č*, что помогает передать звуковые особенности оригинала — имитацию лесного шума ветра и звук грозно рычащего волка:

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят
(Mandelštams 2019: 48)

*Ar zelta vizmu rotāts mežs,
Mirdz spoži ziemassvētku egles;
Zem krūmiem baisi kā iz pekles
Lūr rotaļvilku ačteles.*
(Mandelštams 2019: 49)

Те же звуковые сегменты оригинала — **кр, гр, пр, др** — переводчик сохраняет и в переводе стихотворения «Душный сумрак кроет ложе...» (*kr, pr, dr*):

Душный сумрак кроет ложе,
Напряженно дышит грудь...
Может мне всего дороже
Тонкий крест и тайный путь.
(Mandelštams 2019: 66)

*Smaga krēsla gultu pārklāj,
Saspringusi elpo krūts...
Varbūt man par visu dārgāks
Slepais ceļš un smalkais krusts.*
(Mandelštams 2019: 67)

В случаях, когда не удастся передать звуковые повторы оригинала, переводчик заменяет их другими, качественно похожими. Так повтор звукового сегмента **бр** в стихотворении «Медлительнее снежный улей...» переводчик заменяет на повтор звукового сегмента *kr*, таким образом сохранив один из звуков — **р**:

Медлительнее снежный улей,
Прозрачнее окна хрусталь,
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стуле.
(Mandelštams 2019: 68)

*Skrej sniega bites nesteidzīgāk,
Un loga kristāls dzidrāks tiek,
Un tirkīzkrāsas plīvurs liegs
Uz krēsla nomests nevērīgi.*
(Mandelštams 2019:69)

Для автора перевода также важна передача колористики — цветовых образов: «бирюзовая вуаль» им переводится как «вуаль бирюзового цвета» (*tirkīzkrāsas* = бирюза + цвет).

Во-вторых, это проблема передачи повторов слов и отдельных частей слов. Обратимся к анализу перевода стихотворения «... На луне не растет...»:

... На луне не растёт
Ни одной былинки,
На луне весь народ
Делает корзинки –
Из соломы плетёт
Легкие корзинки.

*... Uz mēness, katrs zina,
Neredzēt stiebriņus,
Uz mēness tauta svin
Un taisa groziņus –
No salmiem visi pin
Gaisīgus groziņus.*

На луне – полутьма
И дома опрятней,
На луне не дома —
Просто голубятни,
Голубые дома –
Чудо-голубятни...
(Mandelštams 2019: 118)

*Kaut mēness — krēslā blāv,
Tur — mājas spodrākas,
Tās pat kā mājas nav -
Bet dūju būdiņas,
Gaišzilās mājas stāv –
Burvīgas būdiņas...*
(Mandelštams 2019: 119)

Как видно, в оригинале важен повтор сонорного звука л (звук повторяется 13 раз), создающего особую мелодику стиха. Ключевое слово стихотворения «луна»

(у Мандельштама повторяется четыре раза) на латышский язык переводится как *mēness* (в переводе встречается три раза). Наиболее частотным в тексте перевода является согласный щелевой звук *s* (повторяется 27 раз), что качественно меняет звучание стихотворение и его мелодику. В оригинале повторяется часть слова голуб- (голуб-ятни, голуб-ые), что не находит отражения в переводе из-за языковых несоответствий исходного языка и языка перевода. Голубятня (слово в стихотворении Мандельштама повторяется два раза) — **помещение** для содержания и размножения домашних голубей, на латышский язык переводится как *baložu būda*, *baložu mājiņa*. **Для благозвучия Пелшс использует более поэтический синоним слова *balodis* (голубь) — *dūja* и уменьшительную форму слова *būda* — *būdiņa* (это слово в тексте перевода также повторяется два раза). Очевидно, данный выбор переводчика продиктован созвучностью слов *dūja* и *būdiņa* (звуковой повтор *dū-ūd*).**

«Голубые» на латышский язык переводится как *gaišzils*, поэтому в латышском варианте перевода невозможны мандельштамовские повторы части слова **голуб-**, на уровне словообразования и этимологии, связанной со словами «голубь», «голубятня», «голубой». В стихотворении Мандельштама два раза повторяется слово «корзинки», рифмующееся со словом «былинки». Пелшс сохраняет этот повтор и также использует уменьшительную форму слова *grozs* — *groziņš*, рифмующуюся со словом *stiebrīņš*. У Мандельштама три раза повторяется слово «дома», переводчик данную пропорцию соблюдает, слово *mājas* (дома) также используется три раза. Следует отметить, что переводчику полностью удастся сохранить рифмовку оригинала АВАВАВ, однако оригинальный текст — это четырехстопный хорей с чередующимися мужскими и женскими рифмами, а латышская версия — это трехстопный ямб со сплошными мужскими рифмами. Для сохранения рифмы переводчик сокращает слово *zina* — *zin* (знает), рифмующееся со словами *svin* (празднует) и *pin* (плетут). В целях благозвучности Пелшс «легкие корзинки» переводит как «воздушные корзинки» (*gaisīgus groziņus*), таким образом, добившись повтора звука *g*.

У раннего варианта стихотворения был заголовок «Приглашение на луну», в котором были еще три строфы, но они не вошли в канонический текст. Текст оригинала начинается многоточием, как и перевод, так как стихотворение Мандельштама — это иронический парафраз лунарной тематики символистов (возможно, раннего К. Бальмонта, поэта лунных мотивов).

Далее обратимся к анализу стихотворения «На страшной высоте блуждающий огонь...», в котором присутствует ряд лексических повторов, повторов словосочетаний, строк и отдельных частей строк. Подобную структуру стихотворения, похожую на пазл, перевести чрезвычайно сложно, поэтому не удивительно, что переводчику не удастся передать все стилистические фигуры:

На страшной высоте блуждающий огонь,
Но разве так звезда мерцает?
Прозрачная звезда, блуждающий огонь,
Твой брат, Петрополь, умирает.

*Mirdz baisā augstumā mums zaiga malduguns,
Bet zvaigznei tādas gaišmas nava.
Ai, zvaigzne rēgainā, pa gaišiem malduguns,
Mirst Petropole, māsa tava.*

На страшной высоте земные сны горят,
Зеленая звезда мерцает.
О, если ты звезда, — воде и небу брат,
Твой брат, Петрополь, умирает.

*Deg baisā augstumā šīs zemes sapņojums.
O, zaļā zvaigzne, — ja vien nava
Tev sveši ūdeņi un dzidrais debesjums,
Mirst Petropole, māsa tava.*

Чудовищный корабль на страшной высоте
Несется, крылья расправляет —
Зеленая звезда, в прекрасной нищете
Твой брат, Петрополь, умирает.

*Slīd baisais cepelīns tāltālā augstumā,
Pār pilsētu krīt nāves krava —
Ai, zvaigzne zaļganā, šai dailē, trūķumā
Mirst Petropole, māsa tava.*

Прозрачная весна над черною Невой
Сломалась. Воск бессмертья тает.
О, если ты звезда, — Петрополь, город твой,
Твой брат, Петрополь, умирает!
(Mandelštams 2019: 152)

*Virš Ņevas ziedonis pussācies saplīsa.
Kūst nemirstības svece blāva.
O, ja vien zvaigzne tu, — grūst tava pilsēta,
Mirst Petropole, māsa tava!
(Mandelštams 2019: 153)*

Ключевое слово стихотворения «звезда» в тексте Мандельштама повторяется шесть раз, в свою очередь в тексте перевода (*zvaigzne*) — пять раз. В тексте оригинала можно насчитать семь элементов этого условного пазла, из которых Пеллшу удастся сохранить пять. Однако переводчик эту утрату компенсирует другим элементом — условным лексическим повтором *gaišmas* — *gaišiem*. Это разные слова («свет» и «воздух»), однако похожее звучание позволяет их воспринимать в качестве элемента лексического повтора. Переводчик сохраняет повтор последней строки каждого четверостишья. Однако здесь наблюдается один важный нюанс: в русском языке «город» и «Петрополь» — существительные мужского рода, соответственно — «Петрополь брат», а в латышском языке — женского, соответственно — *Petropole māsa, pilsēta* (сестра, город). В тексте оригинала присутствует повтор дрожащего р («Петрополь, город твой, / Твой брат, Петрополь, умирает!»). В свою очередь в латышском переводе дважды повторяется сонорный звук м (*Mirst, māsa*). «Блуждающий огонь» на латышский язык переводится одним сложным словом *malduguns*.

Переводчик сохраняет повтор сочетания «на страшной высоте» (*baisā augstumā*), однако в третьем четверостишье он этот элемент разбивает: «чудовищный корабль» переводит как *baisais cepelīns*, таким образом, используя синонимичность слов «чудовищный» и «страшный», один из элементов повтора перемещается на начало строки.

Во втором четверостишье автор перевода снова редуцирует повтор («О, если ты звезда» = *O, ja vien zvaigzne*), но при этом соединяет два других повтора *O, zaļā zvaigzne, — ja vien* (*O, ja vien zvaigzne* + *zaļā zvaigzne*), по аналогии с повтором Мандельштама «Зеленая звезда мерцает», в котором он объединяет два элемента разных повторов («Зеленая звезда» + «звезда мерцает»). В переводе не удастся полностью передать мандельштамовский повтор «зеленая звезда». В одном

случае он это словосочетание переводит как *zaļā zvaigzne* (зеленая звезда), а во втором — как *zvaigzne zaļganā* (звезда зеленоватая). Автору перевода не удастся сохранить повтор двух стилистических фигур — «звезда мерцает» и «прозрачная звезда». Пеллш сохраняет перекрестную рифму и метрику оригинала: чередование шестистопного хорее с четырехстопным, а также тенденцию повторения звуковых сегментов: тр, пр, бр, кр, зв, зе (в переводе: *ai, kr, gr*).

Обратимся к проблеме перевода так называемых «двойчаток»: отдельные части стихотворений «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» и «Ласточка» совпадают. Эти совпадающие части удастся сохранить и переводчику, однако, как это видно из примера, Пеллш прибегает к инверсии — перестановке слов «совпадающей» части стихотворения, что не мешает воспринимать этот элемент как повтор:

Когда Психея-жизнь спускается к теням
В полупрозрачный лес, вослед за Персефеной,
Слепая ласточка бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зеленой.
<...>

*Kad Psihe-dvēsele kāpj ēnu valstībā
Un Persefonei līdz iet mežā caurspīdīgā,
Pie kājām piepeši tai Stiksas maigumā
Ar zaļu zariņu krīt akla bezdelīga.*
<...>

Ласточка

Bezdelīga

Я словно позабыл, что я хотел сказать.
Слепая ласточка в чертог теней вернется
На крыльях срезанных, с прозрачными играть.
В беспамятстве ночная песнь поется.
<...>

*Man zuda vārds? Kas jānotur bij ciet.
Tik akla bezdelīga ēnu velvēs pārnāks
Apcirptiem spārnēm – rēno pulkā diet.
Nakts dziesmu melna neatmiņa pārnāks.*
<...>

И медленно растет, как бы шатер или храм:
То вдруг прокинется безумной Антигоной,
То мёртвой ласточкой бросается к ногам,
С стигийской нежностью и веткою зеленой.
<...>

*Un tā kā telts vai templis lēni aug:
Kā Antogone bezprātā smeļ skaļa,
Kā beigta bezdelīga krīt pie kājām jau,
Kā Stiksa maiga un kā zariņš zaļa.*
<...>

(Mandelštams 2019: 164, 166)

(Mandelštams 2019: 165, 167)

К тому же автор перевода в передаче повторов вносит изменения в стиховую стилистику: если в переводе стихотворения «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» он фразу «стигийской нежностью» переводит как *Stiksas maigumā*, то в переводе «Ласточки» Пеллш использует сравнительную конструкцию: *Kā Stiksa maiga* (как Стикс нежная). Подобный пассаж автор перевода использует и в передаче предикативных форм: «бросается к ногам с веткою зеленой»: *krīt pie kājām kā zariņš zaļa* (падает к ногам, как ветка зеленая).

«Двойчатки» Мандельштама «Твоим узким плечам под бичами краснеть...» посвящены Марии Сергеевне Петровых, поэтессе и переводчице, близкой знакомой автора послания; как и «Мастерица виноватых взоров», они были созданы в феврале 1934 года. В двух посвящениях присутствуют текстовые переключки, которые переводчик может и не знать, поэтому автор статьи комментирует одну переводную версию:

Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.

*Taviem smalkajiem pleciem, pletņu šausītiem, svilt,
Pletņu šausītiem svilt un no špelgoņa silt.*

Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.

*Tavām bērnišķām rokām, ceļot gludekļus, gurt,
Ceļot gludekļus, gurt, virves šņorējot, sūrt.*

Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком, да кровавым песком...

*Tavām maigajām kājām stiklus saplēstus brist,
Stiklus saplēstus brist, asins smiltājā krist...*

Ну а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

*Man par sveci tev būt, melnu liesmu kas plīv,
Melnu liesmu kas plīv, kurai lūgties nav brīv.*

(Mandelštams 2019: 288)

(Mandelštams 2019: 289)

Стихотворение написано четырехстопным анапестом, с цезурой после второй стопы, с мужскими рифмами. В четных стихах присутствует внутренняя рифма, что создает своеобразный акустический фон, поддерживаемый ассонансами плечам – бичами – бичами (первая двойчатка), а также «вертикальными» рифмующимися созвучиями: плечАМ – рукАМ – ногАМ (1, 2, 3 двойчатки), что перевод не отражает. Эту утрату автор перевода компенсирует другими средствами — звуковыми переключками *pleciem – pletņu – pletņu – spelgoņa* (первая двойчатка). В латышской версии сохранена важная архитектурная деталь — анафора — в нечетных стихах и отсутствующая в заключительной двойчатке, что маркирует ожидание и тем самым акцентирует смысловой финал текста, где появляется Я-персонаж.

Мандельштам использует анадиплосис — повторение последних двух слов строки в начале последующей. Пеллс этот прием сохраняет, также он сохраняет свойственный тексту оригинала речитатив. Однако присутствуют изменения стилистического характера: у Мандельштама в первом двустишье нарастание: краснеть → гореть, а в тексте перевода наоборот: последнее слово второй строки *silt* (согреваться, нагреваться) по признаку слабее, чем предшествующее ему *svilt* (пылать). В переводе третьего двустишья автором перевода этот прием сохраняется, к тому же в латышском варианте наблюдается двойное усиление: *stiklus saplēstus brist, asins smiltājā krist*. Помимо мандельштамовского (по стеклу босиком → да кровавым песком) Пеллс использует еще одно нарастание: *brist* (брести, бродить) → *krist* (падать, пасть) – «нежным ногам по стеклу брести, на кровавый песок пасть» т. е. брести по разбитому стеклу, да по кровавому песку до изнеможения, до потери сил. Помимо этого, переводчик прибегает к конкретизации: в тексте перевода стекло разбитое, что визуально похоже на песок (кровавый). В тексте Мандельштама три раза повторяется слово «гореть», т. е. эта метафора для автора важна. Однако в переводе вовсе не используется эквивалент слова «гореть» (*degt*), вместо этого Пеллс применяет синоним *svilt* (пылать). У Мандельштама рифма ААВВССАА, а в переводе — ААВВССДД. В отличие от оригинала в тексте перевода каждая строка кончается односложным словом. Этот художественный прием влияет на переводческую интерпретацию мандельштамовских образов, однако нельзя сказать, что Пеллс сделал вольный перевод, скорее он использовал речевые средства, синонимичные оригиналу.

Переводчик так же, как Мандельштам, использует инфинитивную форму глаголов: *svilt* (пылать), *silt* (согреваться, нагреваться), *gurt* (устать, уставать; ослабеть, ослабевать; изнемогать, изнемогать), *sūrt* (редуцированная форма от *sūrstēt* – ныть, жечь), *brist* (брести, бродить), *krist* (падать, пасть), *būt* (быть). Однако для создания рифмы односложные, редуцированные *plīv – brīv* Пелшс переводит «мне за тебя черной свечкой гореть» как *man par sveci tev būt, melnu liesmu kas plīv* (мне свечкой для тебя быть, черным пламенем, что вьется). Последняя часть завершающей строки практически соответствует оригиналу с одним исключением: вместо соединительного союза используется относительное местоимение в значении союза – *kura*. В русской просодии есть такое понятие (сейчас это отдельная дисциплина в стиховедении) — «инфинитивное письмо» (Жолковский 2020), к которому можно отнести текст Мандельштама. На данный момент инфинитивная поэзия не изучена в латышском стиховедении, однако сказуемое, которое образует предикат в инфинитиве, и подлежащее в дательном падеже является древней конструкцией балтийских (и славянских языков) (Kalnača, Lokmane, Rūmniece 2019).

В заключении обратимся еще к одному показательному примеру, иллюстрирующему некоторые стратегии и тенденции Пелшса в передаче художественных элементов. В переводе стихотворения «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...» прослеживается тенденция использования сложных слов. Употребление сложных слов органично для латышского языка, к тому же сложные слова часто используются в качестве художественного приема: они поэтичны. Так мандельштамовское сравнение «как щуки ребрами» Пелшс переводит, используя сложное слово: *kā līdakasakas* (щука + кости). «Гранитная лесенка» переводчиком передается сложным словом (*granītkāpnītes*), также как словосочетания «трамвайное тепло» (*tramvajšiltums*), «Ворохи «Нив»» (*žurnālķīpas* = журналы + кипы) и лексема «кофий» (*kafijpupas* = кофейные бобы):

Вы, с квадратными окошками, невысокие дома,
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая
зима!

*Jūs, ar kvadrātainiem logiem mūra mājas neaugstās,
Sveika, sveika, Pēterburga, sveika, ziema neaukstā!*

И торчат, как щуки ребрами, незамерзшие катки,
И еще в прихожих слепеньких валяются коньки.

*Slidotavas stāv bez ledus, blāv kā līdakasakas,
Aklos priekšņamos joprojām asas slidas mētājas.*

А давно ли по каналу плыл с красным обжигом гончар,
Продавал с гранитной лесенки добросовестный товар!

*Bet vai sen pa kanālu podnieks preci pārveda
Un uz granītkāpnītēm brūnos podus pārdeva!*

Ходят боты, ходят серые у Гостиного двора,
И сама собой сдирается с мандаринов кожура.

*Dodas melnas galošas Tirtotāju sētu mīt,
Un no mandarīniem miza pati nolobīta krūt.*

И в мешочке кофий жареный, прямо с холоду домой –
Электрической мельницей смолот мокко золотой.

*Sagraudzētas kafijpupas, nule mājās atnestās,
Elektriskās dzirnaviņas maltā “Moka” zeltainā.*

Шоколадные, кирпичные, невысокие дома,
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима!

*Krāsotas kā šokolāde mūra mājas neaugstās,
Sveika, sveika, Pēterburga, sveika, ziema neaukstā!*

И приемные с роялями, где, по креслам рассадив,
Доктора кого-то потчуют ворохами старых «Нив».

*Istabā ar pianīnu doktors viesus sēdina,
Pacienā ar žurnālķīpām, vecās “Nivas” vēdina.*

После бани, после оперы — все равно, куда ни шло, –
Бестолковое, последнее трамвайное тепло!

*Bet pēc pirts, pēc operas – viss vienalga, kurpu iet, –
Nejēdzīgā, pēdējā tramvajsiluma mazliet!*

(Mandelštams 2019: 188)

(Mandelštams 2019: 189)

При переводе в качестве художественного приема Пелшс использует нехарактерные для латышского языка отрицательные формы прилагательных *neaugstās* и *neaukstā*. Эти слова переводчик помещает в конце строки, таким образом создав рифму – *neaugstās* (невысокие) по звучанию и написанию похоже на латышское *neaukstā* (мандельштамовская «несуровая зима» переводится как «нехолодная»). В латышском языке существуют имена прилагательные с частицей «не», имеющие форму отрицания, например: *tāls – netāls*, *labs – nelabs*, *liels – neliels*, *glīts – neglīts* (далекий – недалекий, хороший – нехороший, красивый – некрасивый) и др. Однако этот тип словообразования не применим к абсолютно всем прилагательным. Формы, использованные латышским переводчиком, не свойственны латышской речи. В подобном случае в латышском языке использовались бы прилагательные с предлогом *pa-*: *pazemās mājas*, *pasiltās ziemas*, где предлог *pa-* придает нюанс ослабления признака (низковатые дома, тепловатые зимы). Переводчик в сноске поясняет, что «Нива» — это русский дореволюционный еженедельный журнал. Подобные комментарии, как в русском, так и латышском варианте двуязычного издания, встречаются и в других случаях, когда читатель может не знать те или иные явления культуры ушедшей эпохи (см. пояснения к стихотворениям «Есть целомудренные чары...», «Необходимость или разум...», «Отчего душа — так певуча...» и др.).

Несмотря на сложившиеся в латвийском культурном пространстве представление о непередаваемости Мандельштама, Эйнару Пелшсу — поэту и переводчику, специализирующемуся в области перевода поэзии русских символистов, удалось

передать как формальные, так и содержательные признаки поэзии Мандельштама. Думается, что по характеру передачи поэтических смыслов чужого языка переводчик стремится к переводу-интерпретации, стараясь передать стилевые особенности Мандельштама, а также элементы речевого смыслообразования ушедшей эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Dambis, P. (2016, 4. decembris). *Pauls Dambis: Mandelštama dzeju nevar latviskot, tā nospriegota krievu valodas tradīcijās*. <https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/kulturas-rondo/pauls-dambis-mandelstama-dzeju-nevar-latviskot-ta-nospriegota-kr.a77917/> (дата обращения 24.08.2021)
- Kalnača, A., Lokmane, I., Rūmniece I. (2019). *Nenoteiksmes predikāts latviešu valodā, tā latīņu un sengrieķu analogi un Kārļa Mīlenbaha „abzolutais infinitīvs”*. https://www.apgads.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/apgads/PDF/Valoda-nozime-forma/VNF-10/vnf_10-08_Kalnaca_Lokmane_Rumniece.pdf (дата обращения 24.08.2021)
- Kantor-Kazovsky, L. (2001). Архитектурная метафора у Мандельштама. *Cahiers du Monde russe*. Vol. 42, No. 1 (Jan. - Mar.), pp. 95-114 https://www.jstor.org/stable/20171214?seq=1#metadata_info_tab_contents (дата обращения 24.08.2021)
- Krievu padomju dzeja: antoloģija 2 sējumos*. (1976). Pirmais sējums. Rīga: izdevniecība “Liesma”.
- Mandelštams, O. (2019). *Dzeja*. Rīga: Neputns.
- «Samta sērijā» iznāk krievu dzejnieka Osipa Mandelštama dzejas izlase. (2019, 10. decembris). <https://www.lsm.lv/raksts/kultura/literatura/samta-serija-iznak-krievu-dzejnieka-osipa-mandelstama-dzejas-izlase.a341233/> (дата обращения 24.08.2021)
- Гаспаров, М. Л. (1995). О Сергее Александровиче Ошерове. Записки Мандельштамовского общества. Том 7: Мандельштам и античность. Сб. статей. Москва. С. 204-208.
- Жолковский, А. К. (2020). Русская инфинитивная поэзия XVIII–XX веков. Антология. Москва: Новое литературное обозрение.
- Мандельштам, О. Э. (1990). Сочинения в 2 Т. Т.1. Москва
- Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы*. (1991). Москва. Наука.
- https://imwerden.de/pdf/mandelshtam_slovo_i_sudba_issledovaniya_i_materialy_1991_text.pdf (дата обращения 24.08.2021)

BIBLIOGRAPHY

- Dambis, P. (2016, 4. decembris). *Pauls Dambis: Mandelštama dzeju nevar latviskot, tā nospriegota krievu valodas tradīcijās*. <https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/kulturas-rondo/pauls-dambis-mandelstama-dzeju-nevar-latviskot-ta-nospriegota-kr.a77917/> (24.08.2021)
- Gasparov, M. L. (1995). *O Sergee Aleksandroviche Osherove. Zapiski Mandelshtamovskogo obshestva*. Tom 7: Mandelshtam i antichnost. Sb. statej. Moskva. S. 204-208,
- Kalnača, A., Lokmane, I., Rūmniece I. (2019). *Nenoteiksmes predikāts latviešu valodā, tā*

- latīņu un sengrieķu analogi un Kārļa Mīlenbaha „abzolutais infinitīvs”*. https://www.apgads.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/apgads/PDF/Valoda-nozime-forma/VNF-10/vnf_10-08_Kalnaca_Lokmane_Rumniece.pdf (01.02.2021)
- Kantor-Kazovsky, L. (2001). Архитектурная метафора у Манделштама. *Cahiers du Monde russe*. Vol. 42, No. 1 (Jan. - Mar., 2001), pp. 95-114
https://www.jstor.org/stable/20171214?seq=1#metadata_info_tab_contents (24.08.2021)
- Krievu padomju dzeja: antoloģija 2 sējumos*. (1976). Pirmais sējums. Rīga: izdevniecība “Liesma”.
- Mandelštams, O. (2019). *Dzeja*. Rīga: Neputns.
- Mandelstam, O. E. (1990). *Sochineniya v 2 T.* T.1. Moskva.
- «Samta sērijā» iznāk krievu dzejnieka Osipa Mandelštama dzejas izlase. (2019, 10. decembris). <https://www.lsm.lv/raksts/kultura/literatura/samta-serija-iznak-krievu-dzejnieka-osipa-mandelstama-dzejas-izlase.a341233/> (24.08.2021)
- Slovo i sudba. Osip Mandelstam. Issledovaniya i materialy*. (1991). Moskva: Nauka
https://imwerden.de/pdf/mandelstam_slovo_i_sudba_issledovaniya_i_materialy_1991_text.pdf (24.08.2021)
- Zholkovskij, A. K. (2020). *Russkaya infinitivnaya poeziya XVIII–XX vekov*. Antologiya. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.